

Архитектура дегуманизации

АНАТОМИЯ ГЛОБАЛЬНОГО АНТИКУЛЬТИЗМА

ДЕНВЕР ХЕЙЗ

Архитектура дегуманизации:

Анатомия глобального антикультизма

Денвер Хейз

Содержание:

Пролог

Глава 1. Физиология репрессий

Глава 2. Лингвистика ненависти: Конструирование «Не-человека»

Глава 3. Феномен Александра Дворкина

Глава 4. Псевдонаука на службе террора: Институт «экспертизы»

Глава 5. Паутина: FECRIS и транснациональный картель

Глава 6. Тень Инквизиции и Рейха

Глава 7. Расширение фронта: От Фалуньгун до Йоги

Глава 8. Социальная цена

Глава 9. Угроза цивилизации

Источники

Пролог

В истории человечества катастрофы редко начинаются с взрывов или выстрелов. Они начинаются с тишины. С той особенной, плотной тишины, которая повисает в кабинетах, когда подписывается очередной документ с грифом «для служебного пользования».

Эта книга — попытка нарушить эту тишину. Это не религиозный трактат и не защита верований. Это атлас политической технологии, которая, подобно вирусу, мутировала и адаптировалась к условиям XXI века. Мы привыкли думать о зле как о чем-то хаотичном, эмоциональном, горячем. Но зло, о котором пойдет речь здесь, — холодное. Оно носит очки в тонкой оправе, выступает на международных симпозиумах и оперирует юридическими терминами.

Центральный тезис данного исследования заключается в том, что современный антикультизм — это не спонтанная реакция общества на «новые религиозные движения», а структурированная, транснациональная идеология дегуманизации. Это технология власти, позволяющая обходить конституционные нормы, легализовывать репрессии и превращать граждан в бесправных «не-людей».

Мы начнем наше исследование с физической реальности боли, которую испытывают жертвы этой идеологии — практикующие Фалунь Дафа (Фалуньгун). Их опыт является «нулевым пациентом» в эпидемии современного государственного террора.

Глава 1. Физиология репрессий

В анатомии политического насилия существует точка невозврата. Это момент, когда идеологическая доктрина перестает быть набором слов на бумаге и превращается в физическое действие над человеческой плотью.

Физическое уничтожение и изъятие органов у узников совести в Китае — это не эксцесс исполнителя и не случайная вспышка жестокости тюремной системы. Это логическое, математически выверенное завершение процесса дегуманизации, санкционированного антикультовой идеологией. Когда группа людей объявляется «культом» или «сектой», она выводится за скобки правового поля, а её представители теряют статус субъектов права, превращаясь в биологический ресурс.

Мы начнем с фактов. С медицинской карты одного выжившего, чье тело стало картой преступления, и закончим анализом индустрии, превратившей клятву Гиппократов в преискусство палача.

Дело Чэна Пэймина

История массовых репрессий всегда состоит из миллионов личных трагедий, но для юридической фиксации преступления необходим прецедент. В контексте насильственного изъятия органов таким прецедентом стал случай Чэна Пэймина — первого подтвержденного выжившего жертвы этой индустрии. Его кейс уникален тем, что он предоставляет не просто устные свидетельства, а верифицируемые медицинские данные.

Чэн Пэймин начал практиковать гимнастику цигун школы Фалунь Дафа (Фалуньгун) в 1998 году. После начала государственной кампании по подавлению этого движения в 1999 году он, как и сотни тысяч других граждан, подвергся преследованию. В январе 2002 года его приговорили к восьми годам заключения. Однако ключевое событие произошло 16 ноября 2004 года, когда его госпитализировали в Дацине.

Согласно материалам расследования, в этот день Чэна, не имевшего жалоб на здоровье и находившегося в стабильном физическом состоянии, принудительно этапировали из тюрьмы в больницу № 4 города Дацин. Тюремная администрация уведомила его семью о том, что заключенный находится в критическом состоянии, требующем немедленного хирургического вмешательства, с вероятностью летального исхода 80%. Это стандартная схема прикрытия: создание легенды о «спасении жизни» для проведения несанкционированных манипуляций.

Чэн отказался подписать согласие на операцию. В ответ шестеро охранников обездвигили его, после чего ему насильственно ввели анестетики. Он пришел в сознание лишь 19 ноября. Его правая нога была прикована наручниками к больничной койке, в вены на руках и ногах были введены катетеры, а в нос вставлена трубка для подачи кислорода.

Позже, благодаря свидетельствам другого заключенного, удалось восстановить картину происходившего в операционной. Охранник по фамилии Чжао, присутствовавший при процедуре с оружием в руках, слышал слова старшей медсестры: «Я работаю медсестрой уже 30 лет, но впервые вижу пересадку органа».

В 2006 году, когда Чэна готовили ко второй операции в больнице Луннань, ему удалось совершить побег. Лишь в 2020 году, добравшись до США, он смог пройти независимое медицинское обследование. Компьютерная томография и 3D-реконструкция легких подтвердили невозможное: у живого человека были хирургическим путем удалены сегменты печени и часть левого легкого. Шрам на его теле, продемонстрированный на пресс-конференции в Вашингтоне в июле 2024 года, является той самой «уликой», которую невозможно опровергнуть пропагандой.

Индустрия биоматериала: От частного к общему

Случай Чэна Пэймина — это ошибка системы, сбой в конвейере смерти. Большинство тех, кто попадает на операционные столы в китайских

военных госпиталях и закрытых клиниках, не возвращаются, чтобы дать показания. Однако масштаб явления позволяет говорить о нем не как о серии убийств, а как о государственной индустрии.

В 2019 году в Лондоне завершил работу Независимый трибунал по Китаю (China Tribunal) под председательством сэра Джеффри Найса, прокурора, ранее участвовавшего в процессе над Слободаном Милошевичем. Изучив массив материалов и свидетельств, трибунал пришёл к выводу, что насильственное извлечение органов у узников совести в Китае происходило на протяжении многих лет, а практикующие Фалуньгун, по мнению трибунала, были «вероятно главным источником» органов в этой схеме.

Статистика трансплантаций в Китае демонстрирует аномалию, не поддающуюся объяснению с точки зрения добровольного донорства. Канадские юристы Дэвид Мэйтас и Дэвид Килгур в своем расследовании выявили тысячи операций, для которых не было официальных источников органов. В стране, где культурные традиции исторически препятствуют посмертному донорству, а система добровольной регистрации доноров находилась в зачаточном состоянии, время ожидания подходящего органа составляло не годы, как в Европе или США, а недели. Такая логистика возможна только при наличии огромного банка живых доноров, готовых к «изъятию» по требованию заказчика.

В июне 2021 года эксперты ООН по линии специальных процедур заявили, что получили «заслуживающую доверия информацию» о возможных практиках принудительных медицинских обследований (анализы крови, УЗИ, рентген) у задержанных представителей меньшинств, включая религиозные группы.

Свидетельство абсолютного расчеловечивания

Сухие цифры отчетов не передают физиологию ужаса, который становится будничной работой для исполнителей. Чтобы понять, как

идеология трансформирует психику, необходимо обратиться к показаниям непосредственных участников процесса.

Всемирная организация по расследованию преследований Фалуньгун (WOIPFG) опубликовала интервью с сотрудником вооруженной полиции, который стал свидетелем операции в провинции Ляонин. Его рассказ описывает процедуру изъятия органов у женщины, которая перед этим подвергалась пыткам в течение недели.

Согласно свидетельству, для проведения операции прибыли два военных хирурга из Главного госпиталя Шэньянского военного округа. Процедура проводилась без анестезии. Свидетель описывает действия хирургов как механические и лишенные каких-либо признаков эмоционального вовлечения: они начали разрезать грудную клетку ножом, при этом их руки не дрожали. Хирурги надели маски и сразу приступили к резанию. В это время сотрудники вооружённой полиции стояли на посту, каждый с пистолетом в руках. Сначала у женщины вырезали сердце, затем почки. Когда сосуды сердца были перерезаны ножницами, она начала судорожно дёргаться.

Этот эпизод иллюстрирует ключевой аспект репрессивной машины: полное отсутствие эмпатии у палачей. Хирурги не видели перед собой пациента или даже врага. Они работали с биологическим объектом. Такая профессиональная деформация невозможна без предварительной идеологической обработки, которая выводит жертву за пределы понятия «человек».

Технология «Холодного геноцида»

То, что происходит в Китае, исследователи Кьель Андерсон и Шери Розенберг классифицируют как «холодный геноцид». В отличие от «горячего геноцида», который характеризуется быстрой и массовой резней (как в Руанде), холодный геноцид — это процесс уничтожения

через истощение, растянутый во времени и скрытый за фасадом административных и медицинских процедур.

Этот метод позволяет государству избегать мгновенной международной реакции. Жертвы исчезают постепенно: в трудовых лагерях, в закрытых отделениях психиатрических больниц, в операционных. Антикультовая идеология обеспечивает этому процессу необходимое информационное прикрытие.

Механизм работает следующим образом:

1. **Маркировка:** Группе присваивается ярлык «сесе цзяо» (еретическое учение) или «злой культ».
2. **Дегуманизация:** Пропаганда сравнивает членов группы с паразитами, вирусами или сумасшедшими, представляющими угрозу обществу.
3. **Легитимизация насилия:** Поскольку группа объявлена угрозой, любые меры против нее, включая пытки и физическое уничтожение, подаются как защита государственной безопасности и общественного здоровья.
4. **Коммерциализация:** Тела «врагов» утилизируются с выгодой для системы.

Эта схема, которую историки называют «римской формулой» (разделяй, обесчеловечивай, властвуй), была успешно адаптирована в Китае. За менее чем 20 лет она позволила выстроить тоталитарный контроль, сравнимый с режимами прошлого века, но оснащенный технологиями XXI века.

Экспорт методологии: Роль «консультантов»

Важно понимать, что китайская модель репрессий не формировалась в вакууме. Она активно подпитывалась и легитимизировалась международным антикультовым сообществом. Документально

подтверждено, что представители европейских и российских антикультовых организаций посещали Китай именно в разгар репрессий.

В 2001 году, когда маховик преследований Фалуньгун только набирал обороты, китайские делегации посещали конференции в России, организованные лидерами антикультового движения. Целью визитов был заявлен «обмен опытом». В 2008 году Александр Дворкин, ключевая фигура российского антикультизма, посетил Китай по приглашению Китайской ассоциации по исследованию культов.

Это сотрудничество не было протокольной формальностью. Это была синхронизация нарративов. Российские и европейские антикультисты, такие как представители FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве), обеспечивали китайскому режиму идеологическое алиби на международной арене. Они подтверждали тезис о том, что Фалуньгун — это «опасная секта», тем самым косвенно оправдывая применяемые к ней меры.

Когда в 2000 году члены французской группы CCMM (ассоциированной с FECRIS) участвовали в конференции в Пекине, направленной на критику Фалуньгун, они фактически солидаризировались с палачами. В то время как Amnesty International и Human Rights Watch били тревогу о пытках и убийствах, «эксперты-сектоведы» обсуждали опасность медитативных практик для психики.

От идеологии к скальпелю

Физическое тело жертвы является конечной точкой любого тоталитарного маршрута. Шрамы Чэна Пэймина и пустая грудная клетка безымянной женщины в Ляонине — это не просто следы преступления. Это материализованная идеология.

Антикультизм начинается со слов. С определений, конференций, брошюр и «экспертных заключений». Но заканчивается он всегда одинаково — насилием над физической оболочкой человека. Китайский опыт показал,

как быстро современное государство, обладающее ресурсами и технологиями, может пройти путь от навешивания ярлыков до создания конвейера по разбору людей на органы.

Доказательства, представленные Трибуналом по Китаю и независимыми расследователями, не оставляют места для сомнений: мы имеем дело с преступлением против человечности, совершенным не бандой преступников, а государственной машиной при идеологической поддержке международного сообщества «сектоведов».

Однако, чтобы понять, как стало возможным, что врачи превратились в убийц, а общество приняло это как норму, нам необходимо подняться с уровня физиологии на уровень смыслов.

Глава 2. Лингвистика ненависти: Конструирование «Не-человека»

Мы рассматривали физиологию репрессий — шрамы, изъятые органы и искалеченные тела, то теперь необходимо ответить на вопрос: что делает такое насилие возможным? Хирург не берет в руки скальпель, а тюремщик не включает электрическую дубинку в вакууме. Физическому уничтожению всегда предшествует уничтожение смысловое. Прежде чем человека можно будет разобрать на биологические запчасти без моральных терзаний, его необходимо вывести за пределы понятия «человек».

Язык современного антикультизма функционирует как оружие массового поражения. Термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» не являются научными классификаторами. Это лингвистические маркеры, создающие в общественном сознании образ «паразита», уничтожение

которого воспринимается не как преступление, а как необходимый акт социальной санитарии.

Семантическая пустота как юридическая ловушка

Фундаментом антикультовой идеологии является подмена правовых понятий псевдонаучными ярлыками. Как отмечает известный российский религиовед, профессор МГУ И.Я. Кантеров, термин «культ» (cult) исторически использовался теологами и этнографами без негативной коннотации. Однако, начиная с 1993 года, в постсоветское медиапространство были искусственно внедрены понятия «тоталитарная секта» и «деструктивный культ». Автором и главным популяризатором этих терминов стал Александр Дворкин.

Критически важно понимать: в правовом поле большинства демократических стран, а также в международном праве, определений «тоталитарная секта» или «деструктивный культ» не существует. Эти термины юридически ничтожны. Однако именно их размытость делает их идеальным инструментом репрессий. Отсутствие четких критериев позволяет антикультистам произвольно наклеивать этот ярлык на любую неуютную группу — от кружка любителей йоги до протестантской общины или школы психологии.

Показательный факт: сам Александр Дворкин выступает категорически против введения строгого юридического определения понятия «секта». Его аргументация цинично откровенна: «Большинство этих дел было бы проиграно». Если термин будет закреплен в законе, обвинителю придется доказывать соответствие группы четким критериям. В условиях же семантической неопределенности доказательства не нужны — достаточно медийной истерии и «экспертного мнения».

Таким образом, слово «секта» работает как сигнал к отмене презумпции невиновности. Как только группа маркируется этим термином, она

автоматически выпадает из-под защиты конституционных норм о свободе совести.

Технология расчеловечивания: Лингвистический анализ

Чтобы понять, как слово превращается в насилие, обратимся к результатам комплексных психолого-лингвистических экспертиз ключевого труда А.Л. Дворкина «Сектоведение». Анализ текста выявляет не просто критику религиозных взглядов, а системную стратегию дегуманизации, полностью соответствующую признакам «языка вражды» согласно международным стандартам, включая План действий Рабата (ООН).

Экспертизы выделяют следующие механизмы конструирования врага:

- **Биологизация и патологизация.** Антикультовая риторика последовательно лишает оппонентов человеческих черт, используя метафоры болезни и загрязнения. Дворкин и его последователи используют такие сравнения, как «раковая опухоль», «инфекция», «вирус», «мусор».

Анализ: Когда группа людей называется «раковой опухолью», единственным логическим действием по отношению к ней становится хирургическое удаление. С опухолью не ведут диалог, ее не перевоспитывают — ее вырезают. Эта риторика активизирует в сознании обывателя архаичные механизмы безразличия и страха заражения, блокируя эмпатию.

- **Лишение субъектности («Зомбификация»).** Ключевой миф антикультизма — концепция «промывания мозгов» или «контроля сознания». Утверждается, что члены «сект» лишены собственной воли, они — «зомби», «биороботы», управляемые лидерами.

Анализ: Этот прием легитимизирует насилие под маской помощи. Если человек — «зомби», то его насильственное удержание,

принудительное психиатрическое лечение или «депрограммирование» (фактически — похищение и пытки) подаются как «спасение». Вы не можете нарушить права человека, если перед вами не человек, а управляемый механизм.

- **Криминализация через ассоциацию.** Используются термины из криминального мира: «мафия», «преступный синдикат», «финансовая пирамида». При этом реальных судебных приговоров, подтверждающих эти обвинения, как правило, не существует.

Анализ: Создается презумпция виновности. Любая деятельность группы — от сбора пожертвований до миссионерства — интерпретируется через призму криминала.

Наследие нацистской пропаганды

Сравнительный анализ риторики современного антикультизма и пропаганды Третьего Рейха выявляет пугающие совпадения. Методология, которую исследователи называют «Методом клеймения желтыми звездами», воспроизводится практически дословно.

Нацистская пропаганда строилась на утверждении, что евреи являются не людьми, а «паразитами» на теле немецкого народа. Антикультисты используют ту же конструкцию: «секты» — это паразиты на теле традиционной культуры и государства. В обоих случаях используется тактика «Гнилой селедки» (по Геббельсу) — создание максимально отталкивающего образа через приписывание аморальных, грязных, извращенных действий без необходимости доказательств.

В книге «Сектоведение» лингвисты обнаруживают прямые параллели с идеологией расовой чистоты, трансформированной в идеологию «религиозной чистоты». Утверждается абсолютное превосходство одной группы (в данном случае — аффилированной с Дворкиным интерпретации православия) и неполноценность всех остальных, которые маркируются как «псевдо-», «квази-» или «сатанинские».

Особую тревогу вызывает использование военной риторики. Выражения вроде «выжженная земля» и обвинения групп в подготовке «геноцида» (как это делалось в отношении Свидетелей Иеговы) являются классической проекцией. Агрессор приписывает жертве свои собственные намерения, чтобы оправдать превентивный удар. Как показала экспертиза, утверждение Дворкина о том, что никаких нравственных препятствий для геноцида у иеговистов нет, является формой психологической подготовки общества к репрессиям против этой группы.

Манипуляция «Кульť vs Кульťист»

Одной из самых циничных манипуляций антикульťистов является тезис: «Мы боремся с кульťами, а не с кульťистами». Эта фраза призвана создать иллюзию гуманности и соблюдения прав человека.

Однако эта дихотомия лукава. Организация не существует в отрыве от людей: у неё нет «нервной системы», кроме чужих нервов, и нет воли, кроме человеческой воли. Невозможно объявить организацию «раковой опухолью», не перенеся это определение на ее членов. Когда антикульťист говорит «секта — это зло», в сознании слушателя возникает не абстрактная схема, а образ конкретного соседа, коллеги или родственника.

Эта манипуляция удобна именно тем, что позволяет маскировать стигматизацию и дегуманизацию под «критику организации», что затрудняет юридическую квалификацию подобных высказываний как публичных действий, направленных на возбуждение вражды или унижение достоинства (ст. 282 УК РФ и аналоги в других странах). Формально они критикуют «учение», фактически — натравливают общество на людей. Это подтверждается практикой: жертвами нападений, увольнений и арестов становятся живые люди, а не абстрактные «кульťы».

Роль «Экспертизы» в легализации ненависти

Язык ненависти не был бы столь эффективен, если бы он исходил только от маргинальных радикалов. Опасность антикультизма заключается в его мимикрии под науку.

Александр Дворкин и его соратники из РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) позиционируют себя как профессора, религиоведы и эксперты. Они выступают на конференциях ОБСЕ, преподают в университетах и, что самое страшное, пишут экспертизы для судов.

Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в своем докладе прямо указывает: Дворкин и его окружение, заявляя себя «экспертами» в религиоведении, психологии и социологии, «редко имеют квалификацию» в этих областях и нередко опираются на дискредитированные теории и методологии. Тем не менее, их псевдонаучные заключения ложатся в основу судебных решений.

Суд, не обладая компетенцией в вопросах религии, запрашивает мнение «эксперта». «Эксперт»-антикультист, используя наукообразную лексику, транслирует в судебный документ ту же идеологию ненависти: «данная группа использует психотехники», «зомбирует», «разрушает личность». В результате судья выносит приговор, основанный не столько на проверяемых фактах конкретного правонарушения, сколько на экспертной интерпретации и языковых ярлыках, которые удобны для оправдания ограничительных мер.

От слова к делу

Лингвистический анализ не оставляет сомнений: язык антикультизма — это не язык полемики или критики. Это язык войны. Он выполняет конкретную утилитарную функцию: отключить у общества моральный предохранитель, запрещающий насилие над себе подобными.

Конечным результатом этого процесса в некоторых случаях становятся физические пытки и изъятие органов. Но начинается этот путь с того момента, когда человека впервые называют «сектантом». Этот термин работает как клеймо, превращающее субъекта права в объект устранения.

Мы установили, как работает механизм дегуманизации. Но кто управляет этим механизмом? Кто создает эти нарративы и координирует их распространение через границы государств?

Глава 3. Феномен Александра Дворкина

В любой сложной системе, будь то компьютерная сеть или террористическая ячейка, существуют узловые точки — хабы, через которые проходят основные потоки информации, ресурсов и команд. Александр Леонидович Дворкин — это не просто одиозный публицист или чрезмерно ревностный православный активист. Это функциональный узел транснациональной системы, интерфейс, через который западные технологии психологического подавления были импортированы в Россию, радикализированы и интегрированы в государственный аппарат насилия.

Анализ его деятельности показывает, что мы имеем дело с уникальным феноменом: частное лицо, не занимающее государственных постов, фактически узурпировало право определять, кто является «лояльным гражданином», а кто — «биомассой», подлежащей изоляции. Дворкин — это точка сборки, где пересекаются интересы китайских коммунистов, европейских антикультистов и российских силовиков.

Наследник темной традиции

Чтобы понять природу влияния Дворкина, необходимо обратиться к его генеалогии как специалиста. Официальная биография рисует образ диссидента, вернувшегося на родину для просвещения. Однако факты указывают на иную траекторию: подготовку профессионального идеолога.

Согласно документальным источникам, в начале 1990-х годов, после периода эмиграции в США и работы на радиостанции «Голос Америки», Дворкин прошел обучение в «Диалог-центре» в Дании. Его наставниками стали Йоханнес Огорд и Фридрих-Вильгельм Хаак. Эта деталь биографии является ключом к пониманию всей последующей деятельности Дворкина в России.

Хаак и Огорд были прямыми последователями Вальтера Кюннета — немецкого теолога, активно сотрудничавшего с Гестапо во времена Третьего Рейха. Кюннет специализировался на апологетике, которая использовала методы дегуманизации для оправдания Холокоста. Именно в этой школе сформировалась методология, рассматривающая инакомыслие не как теологическую ошибку, а как социальную патологию, требующую полицейского вмешательства.

Дворкин не просто перенял эти идеи; он стал их главным проводником на постсоветском пространстве. Вернувшись в Россию, он адаптировал нацистскую по своей сути концепцию «паразитической группы» к реалиям разрушенной страны, заменив расовые критерии на псевдорелигиозные. Как было установлено, лингвистические конструкции Дворкина («тоталитарная секта») являются прямой калькой с терминологии, использовавшейся для сегрегации евреев. Теперь становится очевидным, что это сходство не случайно — оно обусловлено прямой преемственностью школы.

РАЦИРС: Теневое министерство правды

Институциональным оформлением этой идеологии стало создание РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Формально являясь общественной организацией при Русской православной церкви, РАЦИРС фактически выстроила структуру, дублирующую функции спецслужб.

Анализ деятельности РАЦИРС выявляет признаки разведывательно-репрессивной сети:

1. **Сбор информации:** Создание обширных досье на граждан, общественных деятелей и организации.
2. **Черные списки:** Формирование реестров «нежелательных» групп на сайте iriney.ru, которые, не имея юридической силы, де-факто становятся руководством к действию для правоохранительных органов.
3. **Агентурная работа:** Внедрение своих представителей («агентов в рясах») в епархии и государственные структуры.

Дворкин сумел убедить иерархов РПЦ и государственных чиновников в том, что религиозный плюрализм — это угроза национальной безопасности. Под видом «миссионерской деятельности» была развернута система тотального контроля. Как отмечают исследователи, РАЦИРС превратилась в «секту внутри церкви», где авторитет Дворкина для многих функционеров стал выше авторитета Патриарха. Страх попасть в немилость к главному сектоведо и быть объявленным «пособником сектантов» заставляет священнослужителей и чиновников беспрекословно выполнять директивы этой общественной организации.

Инфильтрация в силовой блок

Наиболее опасным аспектом деятельности Дворкина стало его глубокое проникновение в силовые структуры РФ. На протяжении 30 лет он систематически проводил семинары и лекции для сотрудников ФСБ, МВД, ФСИН, Следственного комитета и прокуратуры.

Это не было просто просвещением. Это была идеологическая накачка. Дворкин формировал у сотрудников правоохранительных органов специфическую оптику: любой человек, практикующий нетрадиционную духовность, — это потенциальный преступник, шпион или экстремист.

В сентябре 2021 года в правительстве Курганской области прошел показательный семинар «по профилактике религиозного экстремизма», где Дворкин инструктировал весь цвет региональных силовиков. Подобные мероприятия проходили по всей стране. Результатом стала подмена правового сознания: вместо защиты закона силовики начали руководствоваться понятиями «духовной безопасности», сформулированными частным лицом.

Именно Дворкин стал поставщиком методических материалов, которые легли в основу реальных уголовных дел. Его лекции превратились в инструкции по выявлению врагов народа. Таким образом, государственная машина насилия была перепрограммирована на обслуживание интересов узкой группы идеологов.

«Хвост виляет собакой»: Политическая манипуляция

Феномен Дворкина иллюстрирует классический принцип «хвост виляет собакой». Используя доступ к административному ресурсу и манипулируя страхами элит перед «цветными революциями» и «западным влиянием», он сумел навязать государству свою повестку.

Парадокс заключается в том, что, позиционируя себя как патриота и борца с западным влиянием, Дворкин, согласно ряду исследований, имеет глубокие связи с американскими структурами. Его карьера начиналась в организациях, финансируемых правительством США (Voice of America), а его медийная поддержка, по данным источников, осуществляется через сеть журналистов, получающих гранты USAID (например, через структуры OCCRP).

Эта двойственность наводит на мысль о том, что Дворкин может выполнять функцию дестабилизатора. Нагнетая истерию, провоцируя конфликты на религиозной почве и инициируя репрессии против мирных групп, он фактически разрушает социальную ткань российского общества и дискредитирует государство. Превращение светской страны в осажденную крепость, где идет охота на ведьм, объективно ослабляет государственные институты, подменяя закон произволом.

Китайский вектор: Легитимизация геноцида

Роль Дворкина как международного узла особенно ярко проявляется в его сотрудничестве с Китаем. Как было установлено, в Китае создали индустрию насильственного изъятия органов у практикующих Фалуньгун. Для прикрытия этих преступлений антикультистам требовалась международная экспертная поддержка.

Александр Дворкин стал одним из ключевых западных (в культурном смысле) экспертов, предоставивших такое алиби. Он неоднократно посещал Китай по приглашению Китайской ассоциации по борьбе с культовыми учениями (подразделение КПК), участвовал в симпозиумах и давал интервью китайским государственным СМИ.

Его заявления о том, что Фалуньгун является «одной из самых страшных тоталитарных сект», активно тиражировались китайской пропагандой как доказательство того, что «мировое научное сообщество» поддерживает действия КПК. В то время как международные трибуналы и правозащитные организации фиксировали факты чудовищных пыток и убийств, Дворкин обеспечивал палачам идеологическое прикрытие.

Синхронизация риторики поражает: тезисы Дворкина и тезисы китайской пропаганды во многом совпадают. Это указывает на наличие единого координационного центра или, как минимум, на тесное стратегическое партнерство. Дворкин не просто наблюдатель — он соучастник, чьи слова помогают скрывать крики жертв в китайских застенках.

Международная паутина: FECRIS и другие

Влияние Дворкина не ограничивается Россией и Китаем. Он является вице-президентом FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве) — организации, финансируемой правительством Франции и объединяющей антикультистов по всей Европе.

Через эту структуру Дворкин координирует информационные атаки в глобальном масштабе. Примером такой координации стала кампания против саентологов в сентябре 2024 года, когда в течение двух недель в СМИ разных стран появились тысячи однотипных дискредитирующих статей. Такой синхронный вброс невозможен без единого управления.

Связи Дворкина с американскими «депрограмматорами» (такими как Рик Росс и Стивен Хассен) и британскими активистами (Александра Стайн, публикующаяся на BBC) замыкают круг. Мы видим единую сеть:

Европа (FECRIS): Политическое лоббирование и придание статуса «европейской нормы».

Россия (РАЦИРС): Полигон для радикального применения методов с использованием государственного ресурса.

Китай: Реализация «конечного решения» вопроса сект (физическое уничтожение).

Дворкин находится в центре этого паутины. Он импортирует западные теории в Россию, ужесточает их, а затем экспортирует российский опыт репрессий обратно на Запад как модель «эффективной борьбы».

Психологический портрет: Садизм как двигатель системы

Нельзя игнорировать и личностный фактор. Источники указывают на наличие у Дворкина задокументированных психиатрических диагнозов в

молодости. Однако в контексте нашего исследования важен не медицинский диагноз, а психологический профиль его деятельности.

Стиль работы Дворкина и его последователей характеризуется крайней агрессивностью, нетерпимостью к критике и стремлением к абсолютному доминированию. Психологи классифицируют это как реализацию садистических наклонностей через социально одобряемые механизмы. Борьба за «чистоту веры» становится идеальной маской для реализации желания унижать и контролировать.

Созданная им система привлекает людей схожего склада. РАЦИРС и аффилированные структуры стали магнитом для личностей, жаждущих власти над чужими душами. Это объясняет ту жестокость, с которой проводятся задержания и допросы «сектантов» — исполнители получают удовольствие от процесса, чувствуя за собой моральное право, дарованное «профессором» Дворкиным.

Создатель террора

Александр Дворкин — это не защитник традиций и не ученый. Это оператор глобальной технологии расчеловечивания. Он сумел взломать операционную систему российского государства, внедрив в нее вирус антикультизма.

Мы показали, что:

1. Его методология имеет прямые корни в нацистской идеологии.
2. Его организация РАЦИРС функционирует как параллельная спецслужба.
3. Его влияние на силовиков превратило правоохранительную систему в инструмент религиозных чисток.
4. Его международные связи делают его ключевым звеном в глобальной сети подавления инакомыслия.

Дворкин создал идеологический каркас, внутри которого насилие стало нормой. Но для того, чтобы этот каркас заработал в полную силу, одной идеологии мало. Нужен механизм, который превратит ненависть в судебные приговоры. Этим механизмом стал институт «сектоведческой экспертизы», превращающий псевдонаучные фантазии в тюремные сроки.

Глава 4. Псевдонаука на службе террора: Институт «экспертизы»

В правовом государстве суд является местом, где состязаются факты. Когда судье не хватает компетенции в специфических областях — баллистике, медицине или лингвистике — он призывает на помощь науку в лице эксперта. Предполагается, что эксперт — это беспристрастный носитель объективного знания, «глаза и уши» правосудия, способные увидеть то, что скрыто от дилетанта.

Однако в системе, инфицированной антикультовой идеологией, этот институт претерпел злокачественную мутацию. «Сектоведческая экспертиза» стала не способом установления истины, а инструментом юридического террора. Это «черный ход» в судебную систему, через который субъективные фобии и идеологические установки частных лиц конвертируются в реальные тюремные сроки, ликвидацию организаций и конфискацию имущества.

Институт судебной экспертизы в делах о свободе совести был целенаправленно взломан. С помощью псевдонаучных методик и коррумпированных экспертных советов была создана машина по фабрикации доказательств, позволяющая обходить конституционные

гарантии и преследовать граждан за «мыслепреступления», которые невозможно доказать законными методами.

Административный захват: Совет 2009 года

Точкой бифуркации, когда маргинальная идеология получила государственную печать, можно считать 2009 год. Именно тогда при Министерстве юстиции РФ был сформирован новый состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы.

Анализ кадрового состава этого органа, проведенный юристами и независимыми религиоведами, выявил вопиющую аномалию. Вместо академических ученых, специализирующихся на беспристрастном изучении религиозных течений, ключевые позиции заняли активисты с радикальной повесткой. Председателем совета стал Александр Дворкин, не имеющий профильного религиоведческого образования (его диссертация посвящена средневековой истории), а в состав вошли его прямые подчиненные и соратники по РАЦИРС, такие как Александр Кузьмин.

Почетный адвокат России Анатолий Пчелинцев так охарактеризовал этот орган: «Более непрофессионального состава вообще представить, с моей точки зрения, невозможно. Мы не увидели среди членов экспертного совета, 24 человека, религиоведов, ученых, за исключением двух. А остальные — журналисты, инженеры, люди, весьма далекие от науки. Более того, среди них есть экстремисты». Он указывал на парадокс: люди, чья риторика направлена на разжигание вражды, получили полномочия определять, что является экстремизмом.

Этот административный маневр позволил антикультистам монополизировать право на истину. Совет при Минюсте стал фильтром, отсекающим неудобные организации еще на этапе регистрации, и генератором «методичек» для региональных судов. Государство фактически делегировало свои полномочия частной группировке,

позволив ей использовать ресурс Минюста для сведения счетов с идеологическими оппонентами.

Казус «Бхагавад-гиты»

Наиболее ярко механизм использования псевдоэкспертизы как оружия проявился в позорном для российской юстиции «Томском процессе» 2011 года. Прокуратура города Томска, с подачи местных структур ФСБ, попыталась признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть» — канонический комментарий к священному тексту индуизма, почитаемому миллиардом людей.

Основанием для иска послужило не наличие реальных пострадавших или призывов к насилию, а «экспертное заключение», составленное тремя сотрудниками Томского государственного университета (ТГУ): Сергеем Аванесовым, Валерием Свистуновым и Валерием Наумовым.

Анализ их квалификации показывает полную некомпетентность в предмете исследования. Ни один из них не являлся индологом. Аванесов, декан философского факультета, одновременно преподавал в православной семинарии, что создавало прямой конфликт интересов. Историки того же ТГУ, специализирующиеся на Востоке, были намеренно отстранены от процесса. Как отметил заведующий кафедрой истории древнего мира ТГУ Олег Хазанов, экспертизу поручили людям, для которых этот текст не являлся предметом научного поиска.

Когда несостоятельность первой экспертизы стала очевидна даже суду, прокуратура, вместо отзыва иска, заказала новую — в Кемеровском государственном университете. Исполнителями стали Михаил Осадчий, Алексей Горбатов и Сергей Дранишников. И снова — ни одного специалиста по индуизму. Зато в составе комиссии оказался лингвист Осадчий, ранее уже «прославившийся» экспертизами, на основании которых были запрещены книги Свидетелей Иеговы.

Этот кейс вскрывает технологию фабрикации:

1. **Подбор лояльных исполнителей:** Экспертиза заказывается не профильным специалистам, а проверенным кадрам, часто связанным с РПЦ или силовыми структурами.

2. **Игнорирование контекста:** Древние религиозные метафоры трактуются буквально. Призыв к «духовной войне» с пороками интерпретируется как призыв к реальным боевым действиям.

3. **Презумпция виновности:** Прокурор на суде прямо заявила, что цель процесса — «предотвратить возможные преступления». То есть, людей судили не за то, что они сделали, а за то, что они *могли бы* сделать, начитавшись «неправильных» книг.

Только международный скандал, когда работа индийского парламента была парализована протестами, а МИД Индии назвал процесс «абсурдом», заставил российскую систему сдать назад. Но механизм, едва не спровоцировавший дипломатический разрыв с ключевым геополитическим партнером, остался нетронутым.

Методология подлога: «Компонентный анализ»

Как именно эксперты находят экстремизм там, где его нет? Для этого была разработана псевдонаучная методология, позволяющая криминализировать любой текст.

Лингвист Михаил Осадчий и его коллеги используют так называемый «компонентный анализ» и поиск «пропаганды исключительности». Суть метода проста: если в религиозном тексте утверждается, что данная вера является единственно истинной (что свойственно практически любой религии, включая православие), это трактуется как «пропаганда превосходства» и «унижение достоинства» иноверцев.

Согласно этой логике, фраза «Бог один, и нет иного» может стать составом преступления по статье 282 УК РФ. Эксперты вырывают цитаты из

контекста, игнорируют жанровую специфику религиозной литературы и подменяют теологические споры юридическими обвинениями.

В вопросах, которые прокуратура ставит перед экспертами, часто фигурируют термины, не имеющие юридического определения: «манипуляция сознанием», «психологическое воздействие». Поскольку в законе нет критериев «манипуляции», эксперт волен трактовать так любую проповедь или убеждение. Психолог Сергей Дранишников в томском процессе искал в тексте «признаки психологического насилия», фактически криминализируя миссионерскую деятельность как таковую.

Психиатрия как карательный инструмент

Когда лингвистических ухищрений оказывается недостаточно, система прибегает к проверенному советскому методу — карательной психиатрии. Если человек верит в то, что государство считает «неправильным», значит, он безумен.

Показательным является случай Александра Сизикова, жителя Крыма. Будучи инвалидом первой группы по зрению (полная слепота), он был обвинен в организации деятельности запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир». Доказательством служили найденные у него книги, которые он физически не мог читать, так как они не были напечатаны шрифтом Брайля.

Вместо того чтобы закрыть абсурдное дело, ФСБ направила слепого мусульманина на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Цель такой меры двояка: дискредитировать подсудимого, объявив его невменяемым, и изолировать его в закрытом учреждении без права на защиту и публичный суд.

Использование психиатрии позволяет антикультистам решать проблему «упрямых» верующих, которые не ломаются под давлением. Диагноз становится приговором, который не требует доказательства вины. Это

прямое возвращение к практике борьбы с диссидентами в СССР, где инакомыслие приравнивалось к вялотекущей шизофрении.

Индустрия заказных экспертиз

Вокруг заказа на репрессии сформировался целый рынок «экспертных услуг». Расследования выявляют существование фирм-однодневок, таких как различные ООО с громкими названиями вроде «Центр культурологических исследований», которые не имеют ни штата, ни научной репутации.

А так называемые эксперты часто не имея профильного образования (например, учитель физики пишет экспертизу по психологии), копирует целые абзацы из пропагандистских материалов Дворкина и ставит подпись.

Суды принимают эти филькины грамоты, отклоняя ходатайства защиты о привлечении реальных ученых из РАН или ведущих университетов. Аргументация судей цинична: привлечение специалистов из других городов «затянет процесс». Так скорость конвейера ставится выше правосудия.

Юристы отмечают, что статья 307 УК РФ (заведомо ложное заключение эксперта) в отношении таких «специалистов» практически не работает. Эксперт всегда может сослаться на «научную ошибку» или «внутреннее убеждение». Это создает атмосферу полной безнаказанности. Люди, ломающие судьбы своими заключениями, не несут за это никакой ответственности.

Анализ института «сектоведческой экспертизы» приводит к неутешительному выводу: мы имеем дело не с отдельными судебными ошибками, а с системным сбоем, инспирированным извне антикультовой сетью.

Судебная система была взломана через уязвимость в процедуре привлечения экспертов. Антикультовая сеть, возглавляемая Дворкиным, сумела внедрить своих агентов в ключевые узлы этого механизма — от Экспертного совета Минюста до региональных пулов «карманных» специалистов.

В результате:

1. **Наука подменена идеологией:** Вместо объективного анализа суды получают пересказ антикультовых брошюр, оформленный как процессуальный документ.

2. **Правовые понятия размыты:** Юридически ничтожные термины («тоталитарная секта», «манипуляция») де-факто стали основанием для репрессий.

3. **Создан прецедент превентивного правосудия:** Людей и книги судят за гипотетическую опасность, сконструированную в голове эксперта.

Этот механизм превращает суд в спектакль, где финал известен заранее. Экспертиза стала тем мостиком, по которому ненависть, сгенерированная на страницах пропагандистских книг, переходит в реальность тюремной камеры.

Но если в России этот механизм используется для внутренней зачистки, то на международной арене он выполняет другую функцию — легитимизации глобального преследования. Российский опыт «экспертизы» активно экспортируется и синхронизируется с действиями аналогичных структур в Европе.

Глава 5. Паутина: FECRIS и транснациональный картель

Современный антикультизм представляет собой глобальную, централизованно управляемую сеть влияния. Это транснациональный картель, который функционирует поверх государственных границ, используя демократические институты Европы для легитимизации тоталитарных практик.

Зонтичная структура

FECRIS была создана в 1994 году во Франции и объединяет антикультовые организации из более чем 30 стран, включая Россию, Австрию, Германию и Великобританию. Официально федерация декларирует себя как «неполитическую, нерелигиозную и некоммерческую» организацию, чья цель — защита прав человека. Она обладает консультативным статусом при Совете Европы и ООН, что придает ей вес в глазах международной общественности.

Однако анализ финансовых и административных документов разрушает этот фасад. Согласно расследованиям, до 90% бюджета FECRIS формируется за счет государственного финансирования Франции. Это превращает федерацию не в независимую НКО, а в инструмент государственной политики, экспортируемый за рубеж.

Структура организации напоминает разведывательную сеть:

1. **Центр (Париж, позже Марсель):** Штаб-квартира, определяющая стратегию и распределяющая финансирование.
2. **Национальные операторы:** Локальные организации (в России — РАЦИРС, во Франции — UNADFI/CCMM, в Германии — AGPF), адаптирующие методички под местное законодательство.

3. Агенты влияния: Политики, журналисты и «эксперты», лоббирующие антикультовые законы в национальных парламентах.

Александр Дворкин не просто возглавляет российское отделение этой сети. С 2009 по 2021 год он занимал пост вице-президента всей федерации FECRIS. Это означает, что идеолог, чьи методики привели к массовым репрессиям в РФ, на протяжении 12 лет входил в высшее руководство «главной антисектантской организации Европы». Это не случайное совпадение, а системная интеграция.

Французский полигон: MIVILUDES как эталон

Франция играет особую роль в этом картеле. Именно здесь антикультизм был возведен в ранг государственной идеологии через создание MIVILUDES (Межминистерская миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями). Эта структура, подчиняющаяся премьер-министру, стала моделью для подражания авторитарных режимов.

Связь между французскими чиновниками и российскими репрессиями. Фиксируются устойчивые пересечения персоналий и дискурса: политики и участники французской антисектантской инфраструктуры, а также связанные с FECRIS акторы, периодически выступали с позициями, которые критики считают созвучными интересам Кремля.

Показателен пример Жоржа Фенека, бывшего судьи и бывшего руководителя MIVILUDES. В марте 2019 года он находился в составе делегации французских политиков, посетивших оккупированный Россией Крым. В публичной риторике визита звучал мотив «нормализации» аннексии и критики санкций.

Другой французский депутат и член MIVILUDES, Руди Саллес, очевидно по поручению антикультовых организаций лоббировал в ПАСЕ резолюции, направленные на ограничение прав религиозных меньшинств под предлогом «защиты несовершеннолетних».

Таким образом, Франция, позиционирующая себя как колыбель демократии, в глазах критиков антисектантской политики иногда выглядит как поставщик риторических и нормативных шаблонов, которые могут использоваться другими государствами для давления на религиозные меньшинства. Французский закон «О предупреждении и пресечении сектантских движений» (закон Абу-Пикара) часто рассматривают как один из ранних европейских примеров ужесточения регулирования в сфере «сектантских злоупотреблений», и его логика — язык риска, профилактики и «защиты» — местами созвучна последующим ограничительным подходам в других странах, включая некоторые решения, принятые в России (в т.ч. в рамках «пакета Яровой»).

Треугольник террора

Показательным проявлением деятельности этой сети является сотрудничество с структурами, аффилированными с КПК, в антикультовой повестке. Как было раскрыто ранее, в отношении практикующих Фалуньгун правозащитники и ряд государственных отчётов сообщают о пытках, смертях под стражей и также выдвигают серьёзные обвинения в насильственном изъятии органов, которые власти КНР отрицают. Для продвижения кампании против «культов» Пекину была полезна поддержка западных «экспертов», и как минимум на уровне публичных контактов такие связи фиксируются.

Хронология выглядит следующим образом:

Ноябрь 2000 года: В Пекине проходит «International Symposium on Destructive Cults». Делегация французской организации CCMM (связанной с FECRIS) прибыла в Китай; Жан-Пьер Буске представлял CCMM и FECRIS. Внутренний бюллетень CCMM описывал мероприятие в тоне поддержки китайской линии борьбы с «культами» и воспроизводил китайские пропагандистские материалы о Фалуньгун. Была сформулирована «полная поддержка» действиям властей против «сект».

Апрель 2001 года: В Нижнем Новгороде проходит международная конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века»; в источниках, связанных с организаторами, она описывается как крупное антисектантское мероприятие. На ней выступал профессор Чжан Байчунь (КНР), который рассказывал о ситуации вокруг Фалуньгун и китайских мерах против движения. В итоговой риторике таких конференций Фалуньгун включали в перечни «опасных деструктивных культов и тоталитарных сект».

Это сотрудничество создало замкнутый круг легитимизации: китайская антикультовая кампания могла демонстрировать иностранные примеры «борьбы с сектами», российские антикультовые акторы — ссылаться на «китайский опыт», а европейские функционеры — использовать «страшные примеры» для обоснования собственной повестки

Китайская ассоциация по борьбе с культами (САКА), связанная с КПК, де-факто стала частью этой сети. Антикультисты Запада и Востока объединились: и те, и другие транслируют нарратив о том, что новые религиозные движения — это «троянский конь США», созданный для разрушения суверенитета.

Инфильтрация спецслужб: «Мягкая сила» Лубянки

Деятельность антикультовой сети нельзя рассматривать в отрыве от работы российских спецслужб. Анализ открытых источников указывают на то, что антикультовые организации используются как каналы для агентурного проникновения и легализации в Европе.

Так например, Силантьев — ближайший соратник Дворкина, создатель псевдонауки «деструктологии» и человек, тесно связан с ФСБ. В конце июня 2022 года он посетил оккупированные территории Донбасса (Луганск), где проводил идеологическую обработку молодежи, распространяя антиукраинские и милитаристские нарративы. Всего через две недели, 15 июля 2022 года, Силантьев уже находился в Париже. Он

выступал на конференции, организованной французским отделением FECRIS (GEMPPi), с докладом о своей «деструктологии».

Этот факт разоблачает лицемерие европейских антикультистов. В то время как Европа вводила санкции против российских пропагандистов, антикультовые организации в Европе предоставляли трибуну человеку, который только что вернулся из зоны оккупации, где оправдывал агрессивную войну. Удаление упоминаний о российских филиалах с сайта FECRIS в апреле 2022 года оказалось лишь дымовой завесой. Реальное сотрудничество и координация не прекратились ни на минуту.

Синхронизация ненависти: Медийные кампании

Признаком картельного сговора является синхронность информационных атак. Анализ медиаполя показывает, что дискредитирующие статьи об одних и тех же группах (саентологи, Свидетели Иеговы, Фалуныгун, школы йоги) появляются в прессе разных стран практически одновременно, используя идентичные формулировки и ссылаясь на одни и те же выводы якобы «экспертов».

В Италии организации, входящие в «Антикультовый форум» (CeSAP, FAVIS — члены FECRIS), действуют по той же схеме, что и РАЦИРС в России. Они создают искусственную истерию, бомбардируя СМИ пресс-релизами о «засилье опасных сект», даже когда реальных инцидентов не происходит. Цель — поддерживать уровень страха в обществе, необходимый для оправдания существования этих организаций и получения грантов.

Итальянский журналистский проект *Libero Credo* характеризует FECRIS как «подрывную группу в сердце Европы». Их расследования подтверждают, что методы, от которых официально отказались на Западе (например, насильственное депрограммирование — похищение людей для отказа от веры), были экспортированы в Россию, где они применяются с

новой силой, а затем возвращаются в Европу в виде «экспертного мнения» о необходимости жестких мер.

Политический лоббизм и коррупция

Влияние антикультовых нарративов распространяется на высшие эшелоны власти. Упомянутая встреча руководства FECRIS с министром юстиции РФ А.В. Коноваловым в 2009 году в Санкт-Петербурге — лишь верхушка айсберга.

В США антикультисты, такие как Стивен Хассен, активно сотрудничают с российскими коллегами. Дворкин не только переводит и издает книги Хассена, но и использует его авторитет для придания веса своим атакам. В свою очередь, американские СМИ, включая *The New York Times*, в 90-е годы внезапно начали цитировать малоизвестного тогда российского активиста Дворкина как авторитетного источника. Такая медийная раскрутка невозможна без серьезных финансовых вливаний или работы лоббистских структур.

В Украине до 2014 года действовала мощная сеть агентов РАЦИРС (например, «Всеукраинский апологетический центр» Павла Бройде), которая готовила почву для дестабилизации общества. Провокации, такие как спиливание креста активистками FEMEN в 2012 году, при детальном рассмотрении оказываются связанными с людьми из окружения антикультистов, чья цель — разжигание религиозной вражды и хаоса.

Анализ деятельности FECRIS и аффилированных структур позволяет сделать вывод: мы имеем дело не с разрозненными группами обеспокоенных граждан, а с транснациональной корпорацией по производству репрессий.

Этот картель:

1. **Координирует идеологию**, создавая единый образ врага («сектант» = агент иностранного влияния).

2. **Обеспечивает взаимную легитимизацию:** европейский статус прикрывает российские пытки, а российская «жесткость» ставится в пример европейским законодателям.

3. **Служит прикрытием,** позволяя антикультовым агентам влияния беспрепятственно проникать в политические круги демократических стран.

Антикультизм — это вирус, который был искусственно модифицирован и выпущен в глобальное пространство. Он атакует иммунную систему демократии — права человека и свободу совести.

Но откуда взялся этот вирус? Является ли он изобретением XXI века? Исторический анализ показывает, что методы, используемые Дворкиным и FECRIS, не новы. Они являются прямой, документально подтвержденной реинкарнацией практик, разработанных в самых темных кабинетах человеческой истории.

Глава 6. Тень Инквизиции и Рейха

Современный обыватель склонен воспринимать историю как набор изолированных эпох. Нам кажется, что костры инквизиции погасли в Средневековье, а газовые камеры нацизма были разрушены в 1945 году. Однако идеологии не умирают вместе с носителями; они мутируют, меняют униформу на деловые костюмы, а теологические трактаты — на социологические экспертизы.

Современный антикультизм не является новым явлением. Это прямая, документально прослеживаемая реинкарнация карательных практик прошлого. Александр Дворкин и его антикультовая сеть не изобрели ничего нового; они лишь адаптировали методологию социальной сегрегации, разработанную инквизиторами XIII века и

усовершенствованную идеологами Третьего Рейха, к правовым реалиям XXI века. Далее будет проведена историческая реконструкция этой преемственности, которая показывает, что «борьба с сектами» всегда была и остается эвфемизмом для тоталитарной зачистки инакомыслия.

Апологетический центр: Колыбель нацистской идеологии

Чтобы понять природу современного антикультизма, необходимо вернуться в Германию 1920-х годов. Принято считать, что нацизм возник как политическое движение, однако его корни уходят глубоко в религиозную нетерпимость.

В 1921 году при Протестантской церкви Германии был создан Апологетический центр (Apologetische Centrale). Изначально заявленной целью организации была защита христианской веры от «ересей». Однако под руководством Вальтера Кюннета (Walter Künneth) эта структура трансформировалась в идеологическую лабораторию по выявлению «внутренних врагов».

Исторические документы свидетельствуют: именно Апологетический центр разработал теоретическую базу для преследования Свидетелей Иеговы, масонов и евреев, которых объединили в категорию «угроз немецкому духу». Кюннет не просто критиковал эти группы с кафедры; он активно сотрудничал с Гестапо, передавая спецслужбам списки «неблагонадежных» и методические рекомендации по их подавлению.

Связь с современностью здесь не косвенная, а прямая. Вальтер Кюннет был учителем Фридриха-Вильгельма Хаака, который, в свою очередь, стал наставником Александра Дворкина. Мы видим непрерывную линию передачи знаний:

1. **Вальтер Кюннет (1930-е):** Разрабатывает теорию о том, что религиозное инакомыслие — это угроза нации.

2. **Вильгельм Хаак (1970-е):** Адаптирует эту теорию для послевоенной Европы, заменяя расовую риторику на антисектантскую.

3. **Александр Дворкин (1990-е — н.в.):** Импортирует эту методологию в Россию, внедряя ее в государственные институты.

Таким образом, современные российские «сектоведы» являются идеологическими внуками нацистских коллаборационистов. Их методы — это не защита православия, а экспорт технологий Третьего Рейха.

Директива Гейдриха: Юридический шаблон репрессий

Сходство между нацистской практикой и современными антикультовыми инициативами становится пугающе очевидным при анализе нормативных актов. Обратимся к Нюрнбергскому документу D-59 — директиве, подписанной Рейнхардом Гейдрихом, главой Главного управления имперской безопасности (РСХА).

Этот документ устанавливал порядок подавления «определенных религиозных обществ и сект». В тексте директивы содержатся следующие предписания:

«Все организации, клубы, объединения, кружки... подлежат роспуску и запрету; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка... подлежат конфискации... Лица, посвященные в тайные учения... подлежат аресту... В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь».

Сравним это с действиями российских силовиков при ликвидации общин Свидетелей Иеговы или последователей Фалуньгун. Сценарий идентичен:

1. Внезапные обыски («между 7:00 и 9:00 утра», как предписывал Гейдрих).
2. Изъятие любой литературы и личных записей как «экстремистских материалов».

3. Превентивные аресты лидеров и активных членов.

4. Полный запрет деятельности юридических лиц.

Современное понятие «экстремистская организация» в антикультовой трактовке выполняет ту же функцию, что и формулировка Гейдриха о «врагах Рейха». Это юридический маркер, позволяющий вывести группу людей из-под действия обычных законов. Как и в нацистской Германии, вина людей заключается не в совершенных преступлениях, а в принадлежности к «неправильному» кругу.

Теология ненависти: От Лютера до Дворкина

Идеологическим фундаментом для физического уничтожения всегда служит слово. Нацистская пропаганда не возникла на пустом месте; она опиралась на многовековую традицию религиозной нетерпимости. Адольф Гитлер называл Мартина Лютера «великим гением», и это восхищение имело конкретные причины.

В трактате «О евреях и их лжи» (1543) Лютер предложил программу действий, которая фактически стала черновиком Холокоста: сжигать синагоги и школы; разрушать дома и селить иноверцев в сараях, «как цыган»; отбирать религиозные книги; запрещать раввинам учить под страхом смерти.

Современная антикультовая риторика воспроизводит эту программу с пугающей точностью, меняя лишь объект ненависти. Вместо «евреев» — «сектанты». Вместо «синагог» — «ашрамы» или «залы царства». Вместо «Талмуда» — «сектантская литература».

Александр Дворкин в своих лекциях использует ту же логику дегуманизации. Когда он называет новые религиозные движения «раковой опухолью», он повторяет нацистский тезис о «паразитах на теле народа». Лютер призывал к изгнанию евреев, потому что они «не господа

и не чиновники», а «ростовщики». Дворкин призывает к запрету сект, потому что они «не традиционные религии», а «коммерческие культы».

Механизм идентичен: Группа объявляется чужеродной для национальной культуры. Ей приписываются низменные мотивы (жажда власти, денег, крови). Общество получает моральную индульгенцию на насилие во имя «очищения».

Инквизиция XXI века: Депрограммирование как пытка

Если нацизм дал антикультизму организационную структуру и риторику, то методы индивидуального воздействия были заимствованы из арсенала средневековой инквизиции.

Для инквизитора целью было не столько уничтожить еретика, сколько добиться отречения — якобы «спасти душу» через покаяние. Для этого использовались пытки. В XX веке эта практика получила название «депрограммирование».

Американский антикультист Тед Патрик, а вслед за ним и европейские последователи, разработали метод насильственного удержания человека с целью заставить его отказаться от своих убеждений. Человека похищают, изолируют, лишают сна и пищи, подвергают непрерывному психологическому давлению, пока его воля не будет сломлена.

Антикультист, как и инквизитор, убежден, что причиняет боль во благо жертвы. Он «освобождает сознание» от «зомбирования». Эта патерналистская жестокость — «я буду мучить тебя, чтобы спасти» — является родовым пятном инквизиции, которое не смыть никакими дипломами о высшем образовании.

Балканский след: Репетиция геноцида

Теория о том, что антикультовая риторика ведет к крови, нашла свое трагическое подтверждение в ходе Югославских войн 1990-х годов.

Исследования показывают, что этническим чисткам предшествовала мощная кампания по религиозной дифференциации, в которой активно использовались антисектантские нарративы.

Пропаганда в Сербии и Хорватии использовала образ врага, сконструированный по лекалам борьбы с культами. Мусульмане или католики (в зависимости от стороны конфликта) изображались не просто как представители другой конфессии, а как фанатики, зомбированные опасной идеологией, угрожающей национальной идентичности.

Психологический механизм, отработанный на «сектах» (расчеловечивание, приписывание демонических черт), был масштабирован на целые этносы. Это позволило обычным людям брать в руки оружие и убивать соседей. Антикультизм выступил здесь как катализатор насилия, доказав свою эффективность как инструмента разжигания гражданской войны.

Четвертый Рейх: Глобальная амбиция

Проводя глубокий анализ деятельности глобальной сети антикультистов, мы неизбежно приходим к выводу: речь идет не о единичных, разрозненных проявлениях экстремизма, а о системной, организованной попытке реставрации тоталитарного порядка, который, подобно призраку прошлого, стремится вернуться в современный мир под новыми идеологическими флагами.

Это явление, которое некоторые исследователи уже называют «Четвертым Рейхом», представляет собой не традиционное государство с физическими границами, но скорее транснациональную идеологическую конструкцию, цель которой — установление абсолютного контроля над мыслительными процессами людей. В мире, который активно строят такие фигуры, как Дворкин и его антикультовая сеть, нет места для приватности верований и убеждений. Здесь существует лишь строгое разделение на «разрешенные» доктрины и «деструктивные» отклонения, которые, по

мнению антикультовых идеологов, подлежат немедленной коррекции или, в крайних случаях, уничтожению.

Подобно тому, как Третий Рейх опирался на псевдонаучные теории для оправдания своей политики, современная антикультовая система использует «сектоведение» — псевдонаучную дисциплину, которая, подобно расовой биологии нацистской Германии, стремится классифицировать людей на «правильных» и «неправильных» на основе их религиозных или духовных предпочтений.

Пропаганда, так же, как и в эпоху Геббельса, играет центральную роль в этой системе. Ложь, повторение и манипуляция информацией используются для создания массовой моральной паники, которая, в свою очередь, легитимизирует репрессивные меры против тех, кто не подчиняется установленным идеологическим нормам.

Наконец, карательный аппарат, который в Третьем Рейхе был представлен Гестапо, в современном варианте включает в себя центры «Э» (борьбы с экстремизмом) и специализированные отделы полиции, инструктируемые антикультистами. Эти структуры, подобно своим историческим предшественникам, стремятся к полному подчинению и контролю над мыслительными процессами граждан, используя для этого все доступные средства, включая слежку, запугивание и репрессии.

Таким образом, глобальная сеть антикультистов представляет собой серьезную угрозу не только свободе вероисповедания, но и свободе мысли в целом. Ее деятельность требует пристального внимания и, возможно, более решительных мер для противодействия попыткам реставрации тоталитарного порядка в современном мире.

Глава 7. Расширение фронта: От Фалуньгун до Йоги

Тоталитарная система обладает одной неизменной характеристикой: она не может существовать в состоянии стазиса. Для поддержания мобилизационного напряжения в обществе и оправдания репрессивного аппарата ей необходим враг. Как только одна группа «внутренних врагов» уничтожена или маргинализирована, система неизбежно начинает поиск новой цели.

Антикультовая идеология функционирует по принципу расширяющейся воронки. Начавшись с преследования узких, закрытых групп, она неизбежно экстраполирует понятие «секта» на всё более широкие слои общества: от последователей мировых религий до любителей оздоровительной гимнастики, клиентов психологов и даже православных общин.

Анализ показывает, что ярлык «деструктивный культ» является резиновым определением, под которое при желании подводится любая форма социальной или духовной автономии.

Свидетели Иеговы: Отработка технологии тотального запрета

Если китайская кампания против Фалуньгун стала полигоном для физического уничтожения и изъятия органов, то преследование Свидетелей Иеговы в России стало лабораторным экспериментом по юридическому уничтожению целой конфессии в рамках европейской правовой традиции.

В 2017 году Верховный суд РФ признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» экстремистской организацией. Это решение создало опаснейший прецедент: впервые в современной истории группа верующих была криминализирована не за террористические акты или

призывы к насилию, а исключительно за теологический тезис об истинности своей веры.

Как следует из материалов расследования, идеологическую базу для этого решения подготовил Александр Дворкин и возглавляемая им организация РАЦИРС. Используя риторику дегуманизации, Дворкин публично сравнивал общины Свидетелей Иеговы с «раковой опухолью» и «инфекцией». В интервью 2013 года он заявил: «..Все это напоминает раковую опухоль, которая тянет соки из организма, пока не убивает его. Если человек стал иеговистом, он, скорее всего, не станет педагогом или врачом, а если и был, то оставит работу и будет работать в ночном кафе, чтобы днем иметь возможность ходить по квартирам, что как раз у «Свидетелей Иеговы» поощряется». Эта биологическая метафора, заимствованная из нацистской пропаганды, легла в основу государственной политики.

Последствия этого решения вышли далеко за рамки юридических споров. По состоянию на апрель 2024 года, уголовному преследованию подверглись сотни человек. Обычные граждане, включая пенсионеров и инвалидов, получили реальные тюремные сроки, сопоставимые со сроками за убийство.

Показателен случай в Старом Осколе, зафиксированный правозащитниками: 72 летняя женщина была найдена убитой с множественными ножевыми ранениями и выколотыми глазами. Местные СМИ, находясь под влиянием антикультовой истерии, оправдывали жестокость тем, что жертва была «членом одной из сект». Это демонстрирует, как как стигма «секта» может обесценивать жертву в публичном восприятии и снижать эмпатию к ней. Государство дало сигнал: эти люди — вне закона, они «не-граждане».

Индуизм как мишень: Наследие Йоханнеса Огорда

Расширение фронта репрессий не ограничилось западными проповедниками. Под удар попали восточные практики, имеющие тысячелетнюю историю. Атака на индуизм и йогу вскрывает истинную природу антикультизма: это не борьба за «чистоту православия», а ксенофобская война с любой чужеродной культурой.

Корни этой ненависти уходят в труды датского сектоведа Йоханнеса Огорда, учителя Александра Дворкина. В своих текстах Огорд использует рамку «(хинду-)фашизма» и прямо утверждает, что «индуистский ренессанс с его гуру-движениями резко усилил фашистскую окраску». В его классификации такие фигуры, как Свами Вивекананда (признанный в Индии национальным героем) и Шри Ауробиндо, маркировались как создатели «террористических» или «преступных» организаций.

Эта абсурдная с научной точки зрения теория была импортирована в Россию и легла в основу преследования индуистских общин. Наиболее громким проявлением этой стратегии стала попытка признать экстремистской книгу «Бхагавад-гита как она есть» в Томске (анализ экспертизы по этому делу был рассмотрен в четвертой главе). Однако важно отметить социальный аспект: антикультисты пытались объявить экстремизмом священный текст, который является базовым для миллиарда жителей Земли.

Атака на йогу развивается по той же схеме. В антикультовых методичках йога преподносится не как физическая культура, а как «входные ворота» в секту. Утверждается, что медитация ведет к «разрушению личности» и «одержимости». Это привело к ряду инцидентов, когда лекции по философии йоги срывались полицией, а преподавателей задерживали за «незаконную миссионерскую деятельность».

Таким образом, антикультизм криминализирует культурный обмен. Любой интерес к Востоку, выходящий за рамки туристического, объявляется подозрительным и потенциально опасным для «духовной безопасности» государства.

Психология под ударом: Охота на «Инфоцыган»

Следующим этапом расширения репрессивного радиуса стала сфера психологии и личностного роста. Поскольку антикультовая идеология рассматривает человека как объект, который должен управляться государством или «традиционной» церковью, любая попытка независимого саморазвития воспринимается как конкуренция.

В последние годы риторика РАЦИРС и аффилированных СМИ активно демонизирует тренинги личностного роста, коучинг и различные школы психологии, объединяя их уничижительным термином «инфоцыгане» или «психокульты».

Показательным является преследование известного педагога и священника Анатолия Гармаева. Несмотря на его принадлежность к РПЦ, его авторская методика воспитания и психологической помощи была объявлена «сектантской». Механизм обвинения стандартен: наличие лидера (авторитетного педагога), наличие методики (которая объявляется «психотехниками контроля сознания») и наличие сплоченного коллектива (который маркируется как «замкнутая среда»).

Под видом борьбы с мошенничеством (что является прерогативой полиции и экономических судов) антикультисты атакуют саму идею самосовершенствования вне государственных институтов. Психологические практики, направленные на развитие критического мышления или лидерских качеств, объявляются «деструктивными», так как они формируют личность, менее восприимчивую к пропаганде.

«Свои» как чужие: Чистки внутри Церкви

Логика репрессий такова, что рано или поздно поиск врагов начинается внутри самой системы. Кейс «Дивеевского братства» демонстрирует, что даже лояльность к православию не гарантирует безопасности, если эта лояльность не санкционирована антикультовым центром.

Антикультовая идеология, внедренная в тело церкви, превратилась в инструмент внутренней инквизиции. Любая община, проявляющая чрезмерную активность, самостоятельность или имеющая харизматичного лидера, рискует попасть в «черные списки» РАЦИРС.

Это подтверждает тезис о том, что конечной целью является не защита веры, а установление тотального контроля. Верующий должен быть послушным функционером, а не пассионарием. Пассионарность сама по себе становится признаком сектантства.

Глобализация ненависти: «Четвертый Рейх»

Расширение списка жертв — это не локальная российская проблема, а проявление глобальной тенденции, которую исследователи характеризуют как становление «Четвертого Рейха» на примере деятельности FECRIS, эта сеть координирует усилия по стигматизации инакомыслия по всему миру.

Согласно анализу, прослеживается пугающая синхронность: В Китае ярлык «секта» (xié jiao) используется для подавления неугодных групп и движений. В Европе антикультовые законы (например, французский закон Абу-Пикара) используются для ограничения прав родителей на воспитание детей в соответствии со своими убеждениями. В США антикультисты, такие как Стивен Хассен, пытаются применить термин «культ» к политическим оппонентам (сторонникам Дональда Трампа), рассуждая о «депрограммировании» в отношении очень широких групп сторонников.

Мы наблюдаем попытку патологизации политического и мировоззренческого выбора. Инакомыслие объявляется не ошибкой, а болезнью, требующей принудительного лечения.

Метод «навязанных преступлений» работает безотказно. Сначала создается прецедент (как самосожжение на площади Тяньаньмэнь, приписанное Фалуньгун), затем этот образ проецируется на всю группу, а

потом — на любые группы, имеющие схожие признаки (медитация, собрания, лидер).

Бесконечный список

Анализ фактов позволяет сделать однозначный вывод: машина репрессий не имеет тормозов. Список «опасных сект» не является конечным перечнем; это открытая база данных, куда может быть внесен любой.

Мы проследили траекторию расширения фронта: От маргинальных и малопонятных групп к массовым движениям (например, Свидетели Иеговы). От новых религиозных движений к древним мировым традициям (например, Индуизм). От религии к светским практикам (Йога, Психология). От внешних врагов к внутренним (Православные братства).

Антикультизм создал универсальный алгоритм репрессий. Сегодня для того, чтобы стать «сектантом», не нужно верить в инопланетян или совершать странные ритуалы. Достаточно просто объединиться с другими людьми ради цели, не санкционированной с антикультовой сетью, будь то совместное чтение книг, дыхательная гимнастика или воспитание детей.

Эта тотальная подозрительность разрушает социальную ткань. Общество, в котором каждый сосед может оказаться «сектантом», а каждый учитель йоги — «вербовщиком», погружается в атмосферу страха и атомизации. Но какова цена этой атмосферы для психического здоровья нации? К чему приводит постоянная накачка ненавистью? Мы рассмотрим эффект бумеранга: как антикультовая пропаганда порождает всплески неконтролируемого насилия, от бытовых убийств до массовых расстрелов в школах.

Глава 8. Социальная цена

Насаждение атмосферы ненависти и подозрительности не остается изолированным в рамках борьбы с «сектами». Оно создает токсичную социальную среду, которая провоцирует психическую нестабильность у наиболее уязвимых слоев населения — подростков и молодежи. Антикультовая сеть, нормализующая дегуманизацию, также причастна к механизму «пазлового кодирования» (puzzle coding), приводящему к всплескам немотивированного насилия: от массовых расстрелов в школах (скулшутинга) до политических покушений и терроризма.

Ненависть, сгенерированная для уничтожения религиозных меньшинств, ударяет по безопасности всех граждан.

Феномен «Пазлового кодирования»

Термин «скулшутинг» (school shooting) стал привычным в лексике XXI века. Традиционная социология пытается объяснить его буллингом, доступностью оружия или влиянием видеоигр. Однако анализ многочисленных данных, указывает на наличие искусственного фактора, который исследователи называют «методом пазлового кодирования».

Суть метода заключается в дистанционном воздействии на подсознание потенциального агрессора через фрагментированные информационные потоки. Как было установлено антикультисты мастерски владеют языком манипуляции. В случае со скулшутингом эта манипуляция переходит на новый уровень сложности.

Механизм работает в несколько этапов, среди которых:

Героизация: В информационное поле вбрасываются материалы, романтизирующие образ «одинокого мстителя». Используется стремление подростков к славе (эффект Герострата). Медиа, часто подконтрольные или инспирированные антикультовыми нарративами, детально описывают

биографии убийц, их манифесты и количество жертв, превращая преступников в культовые фигуры.

Вкладки: Через интернет, в том числе социальные сети и новостные агрегаторы распространяются скрытые команды — «вкладки» (tabs). Это могут быть специфические образы, числа, фразы или визуальные триггеры, которые по отдельности кажутся безобидными, но в совокупности формируют в подсознании жертвы сценарий действий.

Активация: Когда «пазл» в голове подростка складывается, происходит триггерное событие, запускающее программу на исполнение. Человек превращается в биоробота, реализующего чужой замысел.

Исследования показывают, что этот процесс не хаотичен. Антикультовые стратегии изучают демографию региона, популярные среди молодежи платформы и социальные тенденции, чтобы настроить «волны» кодирования максимально эффективно. Цель — создание управляемого хаоса, который впоследствии будет использован для требования еще более жестких мер контроля и финансирования «борцов с экстремизмом».

Биполярное расстройство как маркер

Одним из ключевых индикаторов применения технологии пазлового кодирования является аномальный рост психических отклонений в конкретном регионе. Согласно данным аналитиков, перед всплеском насилия фиксируется резкое увеличение случаев диагностики биполярного аффективного расстройства (БАР) среди молодежи.

Это состояние — прямой результат когнитивного диссонанса, вызванного внедрением чужеродных установок в подсознание. Мозг подростка пытается сопротивляться навязанной программе агрессии, что приводит к эмоциональной нестабильности, депрессиям и суицидальным мыслям.

Показательным примером является трагедия в Карловом университете в Праге (декабрь 2023 года). Стрелок Давид Козак, убивший 14 человек,

действовал по классическому сценарию скулшутинга. Важно отметить контекст: Чехия, и, в частности, академическая среда Карлова университета, является одним из центров европейского антикультизма.

Анализ показывает, что многие студенты в этом регионе жаловались на симптомы, схожие с БАР, незадолго до трагедии. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что университетская среда подвергалась массовой информационной обработке. Антикультисты, используя образовательные учреждения, фактически превращают их в полигоны для психологических экспериментов.

Медиа как катализатор насилия

Роль средств массовой информации в этом процессе невозможно переоценить. Расширение фронта репрессий требует постоянной подпитки образа врага. СМИ, транслирующие антикультовую риторику, создают общий фон тревожности и агрессии.

Исследования подтверждают существование «эффекта заражения». Многократное повторение в прессе деталей массовых убийств, публикация фото стрелков и анализ их тактики работают как инструкция для подражателей. Антикультовые «эксперты», комментируя такие трагедии, часто смещают фокус с реальных причин на свои идеологические цели, обвиняя в произошедшем «деструктивные культы», интернет или недостаток цензуры.

Парадокс заключается в том, что именно антикультовая сеть создает питательную среду для насилия.

Когда Александр Дворкин и его последователи называют определенные группы людей «биомусором» или «раковой опухолью», они снижают порог морального запрета на убийство. Подросток, слышащий, что одних людей убивать можно и нужно ради «очищения общества», легко экстраполирует этот принцип на своих одноклассников или учителей.

Более того, медийные кампании часто содержат скрытые директивы. Например, статьи, критикующие полицию за некомпетентность во время терактов, могут подсознательно формировать у потенциального стрелка уверенность в безнаказанности и успехе его замысла.

От школ к политике: Эволюция мишеней

Технология, отработанная на школах, имеет свойство масштабироваться. В последние годы мы наблюдаем трансформацию скулшутинга в «политический шутинг». Механизм воздействия на психику исполнителя остается прежним, меняется лишь цель.

Покушения на премьер-министра Словакии Роберта Фицо и кандидата в президенты США Дональда Трампа демонстрируют признаки того же «пазлового кодирования». В обоих случаях стрелки характеризовались как «одиночки» с размытыми мотивами, чьи действия не укладывались в логику организованного политического террора.

Анализ информационного поля вокруг этих событий выявляет наличие предварительных волн кодирования. В случае с Трампом, например, наблюдалась массированная кампания по демонизации, использующая те же лингвистические паттерны, что и антикультовая пропаганда против «культов».

Потенциальным стрелкам внушалась мысль, что устранение конкретной фигуры — это путь к героизму и спасению нации.

Кодируются тысячи людей. До последнего не известно, кто именно сломается и нажмет на курок. Это создает эффект стохастического терроризма, когда невозможно предсказать конкретного исполнителя, но статистически гарантировано совершение теракта. Исполнитель здесь выступает как «прокси-убийца» — одноразовое оружие, которое после использования часто самоуничтожается или ликвидируется спецслужбами.

Культурный террор: Атака на социальную жизнь людей

Атмосфера ненависти не ограничивается политикой и образованием. Она проникает в сферу культуры и досуга, превращая места массового скопления людей в зоны риска. Сорванный теракт на концерте Тейлор Свифт в Вене (август 2024 года) является ярким примером того, как идеология нетерпимости нацеливается на уничтожение самой идеи объединения людей.

Хотя официально ответственность за планирование теракта возлагается на исламистские группировки, методы радикализации молодежи, использованные в данном случае, структурно идентичны методам антикультового программирования. Изоляция, накачка ненавистью к «неверным» (или «сектантам», «чуждым элементам»), дегуманизация жертв — это универсальный алгоритм.

Этот нарратив подхватывается радикалами всех мастей. Таким образом, антикультизм создает идеологическую платформу, на которой расцветает терроризм любого толка.

Статистика страха: Рост уличной преступности

Побочным эффектом незавершенного кодирования является рост немотивированной уличной агрессии. Если у подростка, подвергшегося воздействию «пазла», не сложилась полная картина для совершения массового убийства, накопленный заряд агрессии требует выхода.

Это приводит к увеличению числа убийств: бездомных, случайных прохожих или членов семьи. Наблюдается рост подростковой преступности, которую часто списывают на деятельность «банд». Однако, как отмечают эксперты, всплеск интереса к бандитской субкультуре также совпадает по времени с началом активных антикультовых кампаний в медиа.

Подросток с искусственно вызванным биполярным расстройством ищет способ снять внутреннее напряжение. Выстроенная антикультовой сетью система, призванная якобы защищать общество от «деструктивного влияния», на деле производит тысячи потенциальных убийц.

Цена молчания

Анализ фактов приводит к пугающему выводу: ненависть, запущенная для уничтожения «сектантов», ударяет по самому дорогому — по детям. Скулшутинг и массовое насилие — это не стихийные бедствия и не неизбежное зло современности. Это рукотворные катастрофы, являющиеся прямым следствием деятельности идеологов дегуманизации.

Общество платит страшную цену за толерантность к нетерпимости. Позволяя Дворкину, FECRIS и антикультовым структурам сеять ненависть к малым группам, мы отравляем колодец, из которого пьют все.

Глава 9. Угроза цивилизации

Мы проследили путь антикультизма от хирургических столов в китайских военных госпиталях до залов российских судов и кабинетов европейских чиновников. Становится очевидным: мы имеем дело не с разрозненными эксцессами исполнителей и не с «перегибами» в борьбе за духовность.

Современный антикультизм — это глобальная технология демонтажа демократических институтов. Это вирус, искусственно внедренный в правовые системы государств с целью легализации тоталитарного контроля. Под видом защиты общества от «сект» создается архитектура нового мирового порядка, который эксперты классифицируют как «Четвертый Рейх».

Механизм, отработанный на меньшинствах, разворачивается против большинства, превращая планету в концлагерь.

Глобальная архитектура «Нового мирового беспорядка»

Анализ деятельности транснациональной антикультовой сети, узловыми точками которой являются такие фигуры, как Александр Дворкин в России, и организации типа FECRIS в Европе, в геополитическом масштабе вскрывает более глубокую стратегию.

Антикультовые организации действуют как инструменты «скрытой необъявленной войны». Их цель — дестабилизация демократических обществ изнутри. Механизм этой дестабилизации универсален:

Эрозия права: Внедрение в законодательство размытых понятий («деструктивный культ», «манипуляция сознанием»), которые позволяют обходить конституционные гарантии свободы слова и совести.

Социальная поляризация: Искусственное создание линий разлома в обществе через разжигание ненависти к определенным группам (религиозным, этническим, социальным).

Паралич институтов: Дискредитация судебной и правоохранительной систем, которые вынуждены обслуживать идеологические заказы «сектоведов», а не закон.

Этот процесс уже привел к тому, что в России, фактически создана параллельная система власти, где решения принимаются не избранными представителями народа, а идеологами РАЦИРС. Теперь эта модель активно экспортируется. Атаки на Первую поправку к Конституции США, фиксируемые наблюдателями, и попытки внедрения репрессивного законодательства во Франции свидетельствуют о том, что «антикультовый сценарий» рассматривается как эталон для глобального применения.

Четвертый Рейх: Идеологическая преемственность

Термин «Четвертый Рейх» в контексте данного исследования — это не художественная метафора, а политологическая констатация. Мы документально подтвердили прямую генеалогическую связь между нацистскими апологетами (Вальтер Кюннет), их послевоенными учениками (Йоханнес Огорд) и современными антикультистами (Александр Дворкин).

Сегодня мы видим, как эта идеологическая преемственность переходит в практическую плоскость. Нацизм XXI века отказался от свастики и факельных шествий, заменив их «экспертными советами» и медийными кампаниями. Однако суть осталась прежней: сегрегация людей на «полноценных граждан» и «биомассу», подлежащую исправлению или утилизации.

Доказательством возрождения нацистских практик служит и использование психиатрии как карательного инструмента, и создание системы «фильтрации» граждан. В Германии, стране, пережившей ужасы фашизма, сегодня вновь действуют «сектофильтры» — механизмы проверки лояльности, требующие от граждан отчета о своих убеждениях при приеме на работу. Как справедливо отмечают правозащитники, немецкие власти, полагая, что защищают демократию, фактически воспроизводят методы Гестапо, оправдывая это «борьбой за безопасность».

Александр Дворкин и его сеть, выполняют функцию идеологического центра этого нео-нацизма. Пропагандируя идею о том, что права человека — это «ересь», а демократия — слабость, они готовят общественное сознание к принятию диктатуры как единственной формы спасения.

Информационный терроризм как оружие массового поражения

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/77/298 от 22 июня 2023 года, в преамбуле отмечается, что акты, методы и практика

терроризма направлены на отрицание прав человека и фундаментальных свобод (а также демократии).

Антикультовая пропаганда идеально соответствует этому определению. Она не просто информирует — она убивает.

Механизм «управляемого хаоса», реализуемый через СМИ, работает следующим образом:

Демонизация: Группа людей (будь то «сектанты», мусульмане или политические оппоненты) объявляется источником экзистенциальной угрозы.

Дегуманизация: Жертвы лишаются человеческого облика в глазах общества (сравнение с «вирусом», «раковой опухолью»).

Активация насилия: Спровоцированные медийной истерией индивиды («спящие агенты» или психически нестабильные подростки) совершают акты насилия.

Примеры, приведенные в расследованиях, — от покушения на Дональда Трампа до сорванного теракта на концерте Тейлор Свифт в Вене — показывают, что антикультизм создает атмосферу, в которой террор становится неизбежным. Разжигание исламофобии, осуществляемое по тем же лекалам, что и борьба с «сектами», ведет мир к грани цивилизационной войны. Как цинично заявил один из соратников Дворкина, протоиерей Александр Новопашин: «Цивилизационная война неизбежна». Антикультисты не предотвращают конфликты — они их конструируют.

«Коллаборационизм» XXI века

Почему демократические государства позволяют этому разрастаться? Ответ кроется в коррупции и инфильтрации. Как было показано на примере FECRIS, антикультовые структуры финансируются

правительствами (в частности, Францией) и используются для проведения операций влияния.

Мы наблюдаем феномен нового коллаборационизма. Чиновники, судьи, журналисты и прокуроры, поддерживающие антикультовые инициативы и вовлеченные в эту деятельность, фактически совершают государственную измену. Помогая демонтировать правовые основы своих стран, они работают в интересах транснациональной силы, стремящейся к уничтожению суверенитетов.

Игнорируя заявления о преступлениях «сектоведов», они становятся соучастниками террористической деятельности. Журналисты, тиражирующие ложь о «сектах» без проверки фактов, превращаются в соучастников информационных терактов. Молчание в отношении деятельности сети — это не нейтралитет, это пособничество в построении авторитарного режима.

От частного к общему: Угроза для каждого

Самая опасная иллюзия, которую питает общество, — это мысль: «Меня это не касается, я не сектант». Весь массив доказательств, опровергает это заблуждение.

Технология репрессий универсальна. Вчера это были последователи Фалуньгун в Китае, которых разбирали на органы. Сегодня это Свидетели Иеговы в России, получающие тюремные сроки за чтение Библии. Завтра это будут любители йоги, клиенты психологов, политические активисты или просто граждане, не согласные с генеральной линией идеологов антикультизма.

Механизм, созданный для уничтожения меньшинств, неизбежно будет использован против большинства. Как только понятие «норма» отдается на откуп идеологически ангажированным «экспертам», любой человек может быть объявлен «социально опасным элементом».

В Китае система социального кредита, интегрированная с антикультовым надзором, уже демонстрирует будущее, которое готовят всему миру: тотальный контроль, где доступ к благам зависит от лояльности. Антикультизм — это идеологическое обоснование для введения такой системы повсеместно.

Выбор между цивилизацией и варварством

Перед человечеством стоит выбор. Либо мы признаем антикультовые организации террористическими сетями и привлечем их идеологов к ответственности по законам Нюрнберга XXI века, либо мы позволим им завершить строительство Четвертого Рейха.

Международное сообщество должно признать сеть антикультовых организаций (включая FECRIS и РАЦИРС) экстремистскими и террористическими структурами на основании Резолюции ООН 2023 года.

Важными мерами также являются:

Санация информационного пространства: внедрение технологий искусственного интеллекта для мониторинга и блокировки кампаний по разжиганию ненависти и «пазловому кодированию».

Люстрация: Отстранение от должностей чиновников и силовиков, уличенных в сотрудничестве с антикультовыми структурами.

История показывает: тоталитарные режимы не останавливаются сами по себе — их сдерживала лишь консолидированная воля свободных людей. Если подобные явления не пресекались вовремя, последствия могли стать необратимыми.

ИСТОЧНИКИ

1. AlexanderDvorkin.info. AlexanderDvorkin.info [Archived website]. Internet Archive Wayback Machine (snapshot August 4, 2019).
<https://web.archive.org/web/20190804192404/http://alexanderdvorkin.info/>
2. Antikor. Сурков: «Как мы расчленим Украину».
https://antikor.com.ua/ru/articles/318476-surkov_kak_my_raschlenim_ukrainu
3. BBC News. (2001, March 18). Tiananmen “suicide” girl dies.
<http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1172731.stm> groups.google.com
4. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The Anti-Cult Federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 25–67.
5. Bitter Winter. (2018, August 14). Xie jiao.
<https://bitterwinter.org/Vocabulary/xie-jiao/>
6. Bitter Winter. (2022, April 25). FECRIS and anti-cult cooperation with China. <https://bitterwinter.org/4-fecris-and-anticult-cooperation-with-china/>
7. Cheung, M., Trey, T., Matas, D., & An, R. (2018). Cold genocide: Falun Gong in China. *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, 12(1), 38–62.
8. China Tribunal. (2020, March). China Tribunal full judgment (released March 2020). <https://chinatribunal.com/final-judgment/>

9. Feng, Y. (2023, October 30). Falun Gong surgeon raped in prison and forced to drink urine. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/falun-gong-surgeon-raped-in-prison-and-forced-to-drink-urine/>
10. Introvigne, M. (2018, August 9). If your religion is a xie jiao, you go to jail – But what is a xie jiao? Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/what-is-a-xie-jiao/>
11. Matas, D., & Kilgour, D. (2006, July 6). Report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China [Report]. <https://cja.org/wp-content/uploads/downloads/Kilgour-Matas-organ-harvesting-rpt-July6-eng.pdf>
12. Centre Contre les Manipulations Mentales. Accueil [Homepage]. <https://www.ccmm.asso.fr/>
13. Euromaidan Press. Бройде Павел Павлович [PDF]. <https://euromaidanpress.com/wp-content/uploads/2018/02/%D0%91%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%B4%D0%B5.pdf>
14. Fautré, W. (2023, December 30). EU/Russia: TV channel of the Russian Orthodox Church under EU sanctions. Human Rights Without Frontiers. <https://hrwf.eu/eu-russia-tv-channel-of-the-russian-orthodox-church-under-eu-sanctions/>
15. FECRIS. European Federation of Centres of Research and Information on Cults and Sects. <https://www.fecris.org/>
16. International Center for Law and Religion Studies. Elbakyan [PDF]. <https://classic.iclrs.org/content/blurbs/files/Elbakyan.pdf>

17. Human Rights Watch. (2017, 21 апреля). Россия: Суд запретил Свидетелей Иеговы. <https://www.hrw.org/ru/news/2017/04/21/302591>
18. Jehovah's Witnesses. Библиотека публикаций [Website section]. <https://www.jw.org/ru/%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0/>
19. Libero Credo. Libero Credo [Archived website]. Internet Archive Wayback Machine (snapshot August 9, 2024). <https://web.archive.org/web/20240809083602/http://www.liberocredo.org/en>
20. Libero Credo. FECRIS, a subversive group in the heart of Europe [Archived webpage]. Internet Archive Wayback Machine (snapshot December 14, 2024). <https://web.archive.org/web/20241214211342/http://www.liberocredo.org/en/fecris-a-subversive-group-in-the-heart-of-europe>
21. Libero Credo. State alarm: The 1998 ministerial report on "cults" [Archived webpage]. Internet Archive Wayback Machine (snapshot December 14, 2024). <https://web.archive.org/web/20240809083602/http://www.liberocredo.org/en/state-alarm> web.archive.org
22. Morton, J. (2022, March). Background: Russia—Religious freedom in Russia and regions under Russian occupation [PDF]. U.S. Commission on International Religious Freedom. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2022-09/2022%20Russia%20Backgrounder.pdf>

23. Morton, J. (2020, July). The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union (USCIRF Issue Update) [PDF]. United States Commission on International Religious Freedom.
<https://www.uscifr.gov/sites/default/files/2020%20Anti-Cult%20Update%20-%20Religious%20Regulation%20in%20Russia%20edited.pdf>
24. Nazeer, T. (2024, August 10). First known survivor of China's forced organ harvesting speaks out. The Diplomat.
<https://thediplomat.com/2024/08/first-known-survivor-of-chinas-forced-organ-harvesting-speaks-out/>
25. Novopashin, A. (2024, January 24). За тех ли беспокоятся европарламентарии? [Are European parliamentarians concerned about the right people?]. Радонеж.Ру. <https://radonezh.ru/2024/01/24/za-teh-li-bespokoyatsya-evroparlamentarii>
26. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. (2021, June 14). China: UN human rights experts alarmed by 'organ harvesting' allegations. OHCHR. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2021/06/china-un-human-rights-experts-alarmed-organ-harvesting-allegations>
27. Organization for Security and Co-operation in Europe. (2005, September 23). OSCE conference on anti-Semitism and on other forms of intolerance: Cordoba, 8 and 9 June 2005—Consolidated summary (PC.DEL/924/05). <https://www.osce.org/files/f/documents/c/f/16564.pdf>
28. Pan, P. P. (2001, February 4). Human fire ignites Chinese mystery: Motive for public burning intensifies fight over Falun Gong. The

Washington Post.

<https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2001/02/04/human-fire-ignites-chinese-mystery/e27303e3-6117-4ec3-b6cf-58f03cdb4773/>

29. Shandra, A., & Seely, R. (2019, Липень). Внутрішня кухня російської гібридної війни проти України (The Surkov Leaks) [PDF]. Euromaidan Press. https://euromaidanpress.com/wp-content/uploads/2019/10/Surleaks_ukr_book_small_online2.pdf
30. Shandra, A., & Seely, R. (2019, July 16). The Surkov Leaks: The inner workings of Russia's hybrid war in Ukraine. Royal United Services Institute. <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/occasional-papers/surkov-leaks-inner-workings-russias-hybrid-war-ukraine>
31. Shupe, A., & Darnell, S. E. (2000, October 21). CAN, we hardly knew ye: Sex, drugs, deprogrammers' kickbacks, and corporate crime in the (old) Cult Awareness Network [Conference paper]. Society for the Scientific Study of Religion annual meeting, Houston, TX, United States. <https://www.cesnur.org/2001/CAN.htm>
32. Tomsk.ru. (2012, 24 февраля). Томская епархия насчитала в области 50 сект. <https://www.tomsk.ru/news/view/54217-tomskaya-yeparkhiya-naschitala-v-oblasti-50-sekt>
33. UNADFI. UNADFI [Homepage]. <https://www.unadfi.org/>
34. UNADFI. Historique de l'UNADFI. <https://www.unadfi.org/qui-sommes-nous/historique-de-l-unadfi/>

35. Volchek, D. (2018, 10 марта). Операция "Дары волхвов". Как РПЦ стала отделом администрации Путина. Радио Свобода.
<https://www.svoboda.org/a/29086933.html>
36. Владивостокская епархия Русской Православной Церкви. (2016, 1 сентября). Александр Леонидович Дворкин: «Дискуссии с сектантами нужно уметь вести». <https://www.vladivostok-eparhia.ru/news/krypnim-planom/?id=21119>
37. ГолосИслама.RU. (2025, 11 ноября). Сектоведы по вызову.
<https://golosislama.com/news.php?id=25347>
38. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: Раздел первый. Введение в сектоведение. Азбука веры.
39. Загвоздина, Д. (2013, 30 августа). «Божья мать сказала, что ему пора пересест на Mercedes»: Александр Дворкин об устройстве сект в интервью «Газете.Ru». Газета.Ru.
<https://www.gazeta.ru/social/2013/08/23/5603921.shtml>
40. Интерфакс. (2022, 8 июня). ЕСПЧ счел незаконным запрет «Свидетелей Иеговы» в России. <https://www.interfax.ru/russia/845283>
41. Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского. Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского — Главная. <https://iriney.ru/>
42. Информационно-консультационный центр св. Иринея Лионского. Алфавитный список сект и культов.
<https://iriney.ru/main/dokumentyi/dokumentyi-zaporozhskoj-mezhregionalnoj-konferenczii.html>

43. Информационно-консультационный центр Св. Ириней Лионского.
Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС).
<https://iriney.ru/main/o-czentre/kontaktnyie-dannyie-rossijskoj-assocziaczii-czentrov-izucheniya-religij-i-sekt-%28raczirs%29-v-regionax.html>
44. К Истине. Пресс-конференция "Тоталитарные секты: угроза личности, семье, обществу и государству" ИА "Интерфакс-Сибирь" 21 февраля 2012 года. Стенограмма пресс-конференции отредактированная и исправленная. https://k-istine.ru/apologia/apologia_dvorkin_in_tomsk-2012-02.htm
45. Комсомольская правда. (2012, 25 мая). Приамурье наводняют секты.
<https://www.amur.kp.ru/daily/25888/2849648/>
46. Коммерсантъ. (2016, 29 июня). Минтимер Шаймиев призывает пожертвовать спешкой: Первый президент Татарстана просит сенаторов воздержаться от принятия "поправок Яровой". Коммерсантъ (Казань). <https://www.kommersant.ru/doc/3025254>
47. Крутов, М. (2016, 26 октября). Тайны серого кардинала. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/28076558.html>
48. Миссионерский отдел Новосибирской епархии (Ansobor). (2007, 7 февраля). РАЦИРС расширяет число своих членов и представительств. <https://ansobor.ru/articles.php?id=224>
49. МОО «ЦСГПЭД». Содействие государству в противодействии экстремистской деятельности. <https://csgped.ru/dejatelnost/nashi-proekty/sodeistvie-gosudarstvu-v-protivodeistvii-ekstremistskoi-dejatelnosti.html>

50. МОО «ЦСГПЭД». Наши проекты. <https://csgped.ru/deyatelnost/nashi-proekty>
51. МОО «ЦСГПЭД». Психологическая помощь.
<https://csgped.ru/deyatelnost/psihologicheskaja-pomosch>
52. МОО «ЦСГПЭД». О религии. <https://csgped.ru/ploshhadka/o-religii>
53. Носков, В. (2012, 26 января). В Украине появился представитель РАЦИРС. UkrSakta.info. <https://ukrsekta.info/news/2286-v-ukraine-poyavilsya-predstavitel-racirs.html>
54. Радио Свобода (RFE/RL). (2009, 10 апреля). Ученые недовольны составом Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы [Transcript].
<https://web.archive.org/web/20090414103300/http%3A//www.svobodanews.ru/content/transcript/1606466.html>
55. Релігійно-інформаційна служба України (RISU). (2017, 16 ноября). Структуры УПЦ (МП) были замешаны в политических проектах Кремля — опубликованы новые данные. https://risu.ua/ru/strukтуры-upc-mp-byli-zameshany-v-politicheskikh-proektah-kremlya-opublikovany-novye-dannye_n87648
56. Сантарович, А. (2016, 3 ноября). Кого «Серый кардинал Кремля» Сурков подрядил на войну с Украиной. Realist.
<https://realist.online/politika/kogo-seryj-kardinal-kremlya-surkov-podryadil-na-voynu-s-ukrainoj> realist.online
57. Советская Адыгея. (2019, 18 октября). Как не попасть в секту. Разговор с Александром Дворкиным. <https://sovetskaya->

adygeya.ru/2019/10/18/kak-ne-popast-v-sektu-razgovor-s-aleksandrom-dvorkinym/

58. Степаненко, М. Травля людей в Православной Церкви — обычное явление. Будьте осторожны!. https://www.kistine.ru/base_faith/church/church_vazenmiller.htm

59. УКодекс РФ. (2025). Статья 307 УК РФ с комментариями: Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. <https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-10/gl-31/st-307-uk-rf>

60. Україна Православна. (2002, 1 ноября). Международная антисектантская конференция в Виннице.
http://pravoslavye.org.ua/2002/11/mezhdunarodnaya_antisektantskaya_konferentsiya_v_vinnitse/